

В результате человек становится частью реальности, тем, что есть (природно-биологическим началом), а не тем, что могло бы быть (существом сакрального порядка). Человек ощущает это давление как то, что превосходит его Я, будь то внешняя стихия природы или техники, или внутреннее ощущение Другого, Сверх-Я, совесть, долг, архетип, судьба, Бог. Чем стабильнее реальность, тем сильнее это давление, тяга к нереальному, недостижимому, стремление к целостности или, в терминологии К.-Г. Юнга, — к «Самости». В итоге современная ситуация в области этики представляет собой торжество *эмотивизма*: все оценочные суждения — не более чем выражения предпочтений, чувств. (Поэтому, кстати, получается, что А. Глюксман со своим требованием возродить эмоции¹, ломится в открытую дверь. У нас и так кроме них ничего нет.)

Тем не менее, если учитывать фактор не только этической мысли, устремленной к абсолютному, но и политической мысли, призванной решать проблемы здесь и сейчас, ситуация выглядит сложнее. В пределах КМС время от времени появлялись удачные частичные решения проблемы формулирования адекватного морального дискурса.

Стратегия выхода из морального коллапса видится в отказе от поиска неизменных метафизических моральных универсалий и императивов. Общественная мораль должна быть не воспроизводством неких канонов, которым приписывается вневременная универсальность, а трансценденцией партикулярных социальных позиций, которые **могут быть** универсальными «здесь и сейчас». Это скорее этика возможностей человека, а не внешних моральных императивов. Присоединение к ней предполагает добровольность. Мораль эффективна, если человек, выводя ее из своего дискретного опыта, сам становится ее субъектом. Императивная мораль не подходит для человека, который отваживается пользоваться собственным разумом. Фактически любые попытки решения моральной проблемы основываются на обещании преобразовать КМС в нечто иное, более эгалитарное, гуманное и справедливое, в будущую мирополитику, которую необходимо надстроить над уже давно существующей мирэкономикой.

2. Религиозные и традиционалистские оппоненты капитализма

Христианство, по крайней мере католицизм и православие, изначально были моральными оппонентами капитализма. Капитализм с хрис-

¹ См.: Глюксман А. Достоевский на Манхэттене. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. С. 9.

тианской точки зрения — общество, в котором страсть к любостыжанию (то есть грех) ложится в экономическое основание. Но так как экономика является главным формообразующим началом социальных отношений, то и вся общественная система оказывается пронизанной греховным началом. Христианские церкви вплоть до Реформации осуждали стяжательство, запрещали процент и т.д. Однако католицизм и православие оказались бессильными в этом противостоянии в индустриальную эпоху с ее апологетикой труда и частной собственности как трудовой по происхождению, на чем и выросла протестантская этика.

Более того, нередко получалось, что даже наиболее ортодоксальные конфессии были вынуждены прямо становиться на сторону капитализма против своих подлинных ценностей. Н.В. Сомин приводит такой характерный пример: «Митр. Сергей (Страгородский) в 1924 г. написал записку, в которой он спокойно, но твердо говорит об искажениях церковного учения в вопросе частной собственности. Причем он, со свойственной ему широтой и мудростью, указывает на три причины возникновения этих искажений.

Во-первых, долгое время наша богословская наука находилась под сильным влиянием западной, в частности, протестантской. Оттуда, из протестантских книг и перекочевала к нам теория святости частной собственности.

В качестве второй причины, по мнению митр. Сергея — главной, указывается зависимость Церкви от частнособственнического государства. В результате, многие богословы, оправдывая основы существующего экономического строя, как пишет митр. Сергей, “остерегались со всею ясностью и последовательностью высказывать идеальный, подлинно евангельский взгляд нашей Церкви на собственность”.

Наконец, в-третьих, в развитие второй причины, критика социализма, развернутая в церковной печати в начале XX в., оказалась методически неудачной. Разумеется, критиковать было необходимо, поскольку в то время социализм приобрел явно богоборческие, демонические черты. Но тогда рассуждали иначе: раз социализм за общественную собственность, то мы будем за частную, забывая при этом, что общение имуществ — высочайшая, подлинно христианская религиозная идея, о которой недвусмысленно сказано в Новом Завете¹.

М. Вебер в своей известной работе указал на роль протестантской религии в становлении капиталистического духа, духа буржуазной ци-

¹ Сомин Н.В. Возможен ли христианский капитализм? // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1998. С. 76–78.

визации¹. Этика, основанная на убеждении в своем призвании, рациональной самодисциплине, достижительности, сыграла определяющую роль в формировании индустриального, предпринимательского, производящего и организующего производство капитализма. Она же проповедовала и ценность труда, и так называемую «мирскую аскезу», суть которой заключалась во вкладывании капитала в постоянное расширение производства при весьма умеренных тратах на потребление.

Характерно, что Вебер не без удивления замечал, что вообще-то сама по себе протестантская этика не имеет с капитализмом ничего общего, вовсе не предназначена служить ему и, более того, в целом она скорее антикапиталистическая. Дух капитализма появился из нее путем сложных исторических трансформаций и опосредований. И вообще, во времена Вебера, как впрочем до и после него, многие полагали, что капитализм — вовсе не синоним индустриальной цивилизации, и потому его дух вырос не только из протестантской этики. Зомбарт, изобретший само слово «капитализм», находил его истоки в такой же степени в разных видах «авантюрного предпринимательства», пиратстве и торговле предшествующих эпох — когда и начала формироваться собственно КМС².

Иначе говоря, протестантская этика — не более чем эпизод в истории капитализма, соответствующий его индустриальной стадии. И это подтверждается тем, что в центре КМС она в настоящее время почти совершенно утрачена, равно как и в полупериферийной России, где ее насаждали большевики.

Смысл временного господства протестантской этики в том, что она выполняла реморализующую функцию для КМС в эпоху секуляризации и преобладания идеологий и утопий. Реморализация заключалась в оправдании капитализма трудом, причем и левые, и правые идеологии вовсе не отрицали ценность труда, но, напротив, основывали на нем свои притязания и свою мораль.

Реморализация заключалась, таким образом, вначале в оправдании самого труда, а затем в *оправдании трудом*. Показательно, что еще в эпоху Возрождения к труду относились в основном с античных позиций — то есть не видели в нем особой ценности. И утописты вроде Кампанеллы, и буржуа вроде Альберти видели в труде (особенно физическом) что-то если не совсем унижительное, то такое, чем достойный человек заниматься по своей воле не будет. Христианско-католи-

¹ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990.

² См.: Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2009. С. 84–94.

ческое и православное отношение к труду было более терпимым, но и в нем труд сам по себе суетен — он следствие человеческого грехопадения. Труд не считался самым важным в жизни христианина. Он был едва ли не наказанием, смиренно претерпевая которое можно прийти к спасению. Поэтому он не мог стать некой самостоятельной ценностью, легитимирующей порядок вещей.

Протестантизм же поместил труд на невиданную высоту: не просто «кто не работает, тот не ест», но: «работа — наша молитва». Капитализм, будучи жадой обогащения, в свою очередь, оправдывался приверженностью труду. И это было сильное оправдание. Протестантская этика, высоко ценящая труд, могла оправдать даже капитализм, дать ему карт-бланш. Таким образом, хотя она и не создала «дух капитализма», но являлась временным компромиссом между христианской и капиталистической моралью. Как замечает по этому поводу Н.В. Сомин, «не религиозное возрождение Реформации породило пресловутый “дух капитализма”, а, наоборот, слабость протестантизма, выпустившего из своих рук контроль за хозяйственной этикой. Вовсе не из непреклонной жажды спасения возник этот “дух” — им всегда была обыкновенная, старая как мир жажда наживы. Протестантизм же не сумел поставить этому “духу” должную преграду»¹.

Причем до такой степени «не смог», что к первой трети XX в. появились интеллектуалы, склонные видеть в самом капитализме самостоятельную и настолько всеобъемлющую религию без культа, отказавшуюся от трансцендентного и со все возрастающим чувством вины, что даже христианство представлялось им ее частью и инструментом. Так, например, воспринимал капитализм В. Беньямин:

«Радикальный имманентизм Беньямина не дает ему возможности поставить диагноз ни капитализму, ни коммунизму. Маркс, Фрейд, Ницше и Вебер, каждый по-своему, полагали, что духовное начало возвышается над инфраструктурой как нечто относительно самостоятельное; что оно не только детерминировано ей, но и детерминирует ее. Но если капитализм сам по себе уже есть религия, то христианство (а тем более производные от него духовные конструкции) не более как его инструмент. Беньямин не оставляет между базисом и духом ни малейшего зазора, в который могло бы вклиниться идеальное. В результате вместо ответов мы находим прихотливо расходящиеся серии разнообразных симптомов»².

¹ Сомин Н.В. Блеф «Протестантской этики» // http://chri-soc.narod.ru/blef_prottestantskoi_etiki.htm.

² Рыклин М. Топос утопии. Коммунизм как религия // Топос. Литературно-философский журнал // <http://www.topos.ru/article/3638>.

Однако логика развития КМС в ходе вывода издержек на периферию, выпроводила туда и индустриальное производство. К этому времени истощился и социальный резерв промышленных армий центра — крестьянство. Базиса для воспроизводства протестантской этики не стало. Кроме этики потребления (поддержанной отчасти и левыми) протестантскую этику заменить оказалось нечем. А потребительство хорошо совмещается с популизмом, ксенофобией, национализмом и т.д. Отсюда вытекает идеологический и моральный кризис КМС в целом и левых движений в частности.

Аристократическая средневековая мораль также противостояла капитализму. Однако ее сопротивление власти капитала с точки зрения трудящихся классов не было морально убедительным. Основанная на презрении к производительному труду, на паразитическом господстве якобы «лучших», эта этика при всем своем неприятии капитализма оставалась достоянием узкого круга. Убеждение в исконном и оправданном неравенстве людей — вот уязвимое место аристократической морали, которое всегда мешало ей составить моральную альтернативу капитализму.

Точно так же презрение к капитализму, к буржуа, распространенное среди представителей свободных профессий (интеллектуалов, людей искусства и т.д.) не имело ни широкой массовой базы, ни достаточной моральной убедительности. Это был, по сути, рудимент все того же средневекового прошлого, когда еще немногочисленные интеллектуалы и люди искусства жили скорее не за счет продажи своего труда, а субсидиями купцов и аристократов. Материальная основа их жизни была совсем не капиталистической, и такое некапиталистическое отношение к себе они хотели бы сохранить и в настоящем. До некоторой степени это удавалось. С другой стороны, эта мечта интеллектуалов могла приобретать и социалистическую окраску, преобразуясь в мечту об обществе, в котором творческий труд стал бы высшей ценностью и его не надо было бы банально продавать.

В целом приверженцы средневековой морали, включая разного рода романтиков, правых националистов, консервативных революционеров и т.д., не просто не могли составить моральной альтернативы капитализму, но фактически неизменно оказывались силами, срывавшими попытки его реморализации. Эгоистическая жажда прибыли во что бы то ни стало не противоречит аристократической этике сильных — господствующих классов, рас, государств. Это и было продемонстрировано на протяжении XIX—XX вв.; фашизм стал лишь самым ярким эксцессом.